

Углубление в Бурге¹

1

С заключенным № 174 517 Лоренцо познакомился, когда выкладывал кирпичную стену. Несмотря на затрепанные, которые ему то и дело отвешивала жизнь, а может, как раз вследствие этого, даже в концлагере он трудился на совесть. Как писал Примо Леви в «Канувших и спасенных»², «он делал [стены] ровными, прочными, аккуратно подгоняя кирпичи и используя столько раствора, сколько требуется. И делал он это не потому, что привык подчиняться приказам, а из чувства профессиональной гордости»^{*}.

Лоренцо никогда не задумывался, есть ли хоть какой-нибудь смысл изнурять себя работой. И в тот день, когда уроженец Бурге, исторического центра Фоссано, впервые увидел тщедушного паренька-заключенного, тоже. Недавно закончилась бомбардировка союзников, и «это вечно дымящееся, казавшееся бескрайним нагромождение железа,

^{*} Цит. по: Леви П. Канувшие и спасенные.

цемента и грязи»³, пространство под названием Буна^{*}, было изрядно перепаханно.

Грандиозный промышленный комплекс в лагере Моновиц, в шести километрах от Аушвица I, принадлежал *Interessen-Gemeinschaft Farbenindustrie AG*, больше известной как *I. G. Farben* («И. Г. Фарбен»)^{**}. Лоренцо и его щуплый напарник пробирались между кучами битого кирпича; строительный мусор скрипел под подошвами грубых рабочих ботинок. Добравшись до места, каменщики, не сильно усердствуя, но скоро принялись поднимать защитную стену вокруг наиболее ценного заводского оборудования.

Взобравшись на строительные леса, Лоренцо молча клал кирпичи. Узник с татуировкой на левом предплечье «№ 174 517» работал внизу. Лоренцо на ужасном немецком грубо приказал *Haftling* («хэфтлингу») — бледному как смерть и едва дышавшему от истощения заключенному — поднять на леса новое полное ведро⁴, потому что «заканчивается раствор». Позже выяснилось, что заключенного звали Примо.

Тощий 24-летний паренек, который для Лоренцо был пока что всего лишь номером, широко расставил ноги, обеими руками схватился за ручку ведра и начал раскачивать его, надеясь на помощь инерции. Но забросить тяжесть на плечо не удалось. Результат вообще вышел плачевным:

^{*} Промышленный комплекс Буна-Верке (от названия синтетического каучука на основе бутадиена и химического символа натрия Na) был построен в мае 1942 г. для производства синтетического каучука (концлагерь Моновиц, он же Аушвиц III, — около 40 небольших концлагерей). Каучук не выпускал, производил метанол для авиационного топлива и взрывчатых веществ.

^{**} Группа германских химических концернов; в нацистской Германии — крупнейший производитель, использовавший узников концлагерей (как подопытных и как бесплатную рабочую силу).

ведро выскользнуло из рук и половина содержимого оказалась на земле.

Лоренцо произнес всего восемь слов — первые слова ключевой части этой истории. Они наверняка звучали в голове Примо еще несколько бесконечно долгих часов того летнего дня. Точнее, одного из дней 1944 года⁵ между 16 и 21 июня. Западную часть Верхней Силезии в это время уже сотрясали взрывы тяжелых бомб союзников. В последующие месяцы авианалеты учащались и становились все более разрушительными⁶.

«Чего еще можно ожидать от такого, как этот»⁷, — проормотал себе под нос Лоренцо на родном пьемонтском, спускаясь с лесов. Пролитый раствор уже начал схватываться, скрепляя строительный мусор — осколки разрушенных бомбами строений. Авиация регулярно наносила бомбовые удары. Результаты работы по «планете Аушвиц» постоянно фотографировали с воздуха. Однако освобождать приговоренных к газовым камерам узников войска не спешили⁸.

Что означало «такой, как этот»? Какой — такой? «Изнуренный раб»?⁹ «Низшая ступенька» в иерархии Моновица?¹⁰ Или белая кость, неумеха-белоручка, неспособный удержать ведро раствора? Попавший в этот перевернутый мир, чтобы стать здесь последним из последних? Неизвестно, выражала эта фраза презрение или сострадание, но, как потом подтверждал и Леви, в голове Лоренцо в тот момент произошло короткое замыкание.

Кто знает, сколько раз Лоренцо слышал нечто подобное в свой адрес? Предположу, довольно много. Он-то был из бедняков — бузотер и выпивоха. Правда, он всегда делал свою работу на совесть, но считалось, что на «таких» полагаться

⁷ Цит. по: Леви П. Человек ли это?

нельзя. Пока «такие», как Лоренцо, молоды, их обычно нещадно эксплуатируют, но, разменяв пятый десяток, они начинают терять силы и внимательность. А потом, когда с возрастом они становятся совсем уже ни на что не годны, от них избавляются, как от мусора.

Знакомство, что и говорить, началось не лучшим образом — в свете катастрофы с ведром. Однако Лоренцо заметил, что № 174 517 отреагировал на его фразу на узнаваемом пьемонтском — после плохого немецкого. И это пробило брешь в невидимой стене, отделявшей вольнонаемного от заключенного. Разрушилось заклятие, намертво скреплявшее каждого обитателя этого уродливого сюрреалистического мира, называемого «лагерь», с отведенной ему ролью.

Лоренцо почувствовал особую связь с парнишкой, выполняющим самую черную и тяжелую работу. Вероятно, этого оказалось достаточно, чтобы начать ему помогать.

В лагере подобное случалось нечасто. Некоторые заключенные имели легальную возможность устанавливать контакты с внешним миром — например, при посредничестве национальной французской службы трудовой повинности¹¹. Но заключенные евреи всегда и при любых обстоятельствах были «неприкасаемыми» для свободных гражданских, в том числе и для вольняшек* вроде Лоренцо: «Все они, с той или иной степенью откровенности, демонстрировали нам свое отношение, колеблющееся от презрения до сочувствия,

* Вольнонаемные, жившие рядом с лагерями и даже получавшие неплохую зарплату, по собственной воле не имели права сменить работу и место жительства. Они представляли собой промежуточное звено между заключенными и свободными людьми. Вольняшка — самое точное слово для описания положения «вольнонаемных» (в кавычках), среди которых оказался Лоренцо.

считая, что раз мы попали сюда, раз нас содержат в таких условиях, значит, дело с нами нечисто, значит, есть на нас какая-то тайная и ужасная вина»^{*},¹².

Думал ли Лоренцо так о № 174 517? Не уверен. Он не имел склонности навешивать ярлыки и прекрасно знал, что почти всегда в кандалах оказываются самые бедные и слабые, а власть имущие каждые три недели надевают новые туфли. К тому же так и неизвестно (и вряд ли я когда-нибудь это узнаю), что говорил Леви в последующие часы.

Собрав информацию о Лоренцо из весьма внушительного количества источников, я кое-что понял о его личности. Рискну предположить, что он не собирался ничего говорить. Примо еще два или три дня. Скорее всего, с потерянными, мрачным и непроницаемым выражением лица, запечатленным на дошедших до нас фотографиях, он все это время прокручивал в голове свои мысли. И насколько мне известно, их было всего две. Одну из них мы увидим позже, а другая — вот эта.

Презирал ли Лоренцо молодого туринца, от которого почти ничего не осталось, в их первую встречу? Земляка, который уже почти умер? Жалел его? Или, может быть, боялся? Кажется, чувство тревоги, впервые возникшее в 1938 году после принятия расовых законов^{**}, до сих пор висело в воздухе. Примо Леви рассказывал об этом в своей «Периодической системе»^{***} 1975 года — о первой, «слабой, но заметной

^{*} Цит. по: Леви П. Человек ли это?

^{**} Нюрнбергские расовые законы — два расистских (в первую очередь антисемитских) законодательных акта («основные законы»), принятых по инициативе Гитлера в 1935 г. на съезде Национал-социалистической партии в Нюрнберге.

^{***} Леви П. Периодическая система.

вспышке недоверия и подозрительности. Что ты обо мне думаешь? Кто я, по-твоему?»^{*},¹³

Произведения Леви, в которых мастерски сплетены слова и концепции, позволяющие понять человеческую душу, нам еще нужны — да и всегда будут нужны. В этом фрагменте показано отношение вольнонаемных рабочих к «рабам рабов», заключенным-евреям, которые организованно, колоннами брели в рваных полосатых робах и беретах в Буну, на работу. Если это, конечно, можно называть работой.

Они слышали, что мы говорим на разных непонятных языках, которые звучали для них дико, вызывая ассоциацию с криками зверей; они видели нас, полностью поработанных, без волос, без имен, забывших о достоинстве, теряющих побои, с каждым днем все больше деградирующих, но не могли заметить в наших взглядах даже проблеска протеста, веры или смирения. Они знали нас как воров и обманщиков, как грязных голодных оборванцев и, поменяв местами следствие и причину, воспринимали нас такими, какими мы стали^{**},¹⁴.

Зафиксировав начальный эпизод этой истории, ставшей чем-то бóльшим, чем строки дела в пыльном архиве, попробуем собрать в единую картину многие километры, которые Лоренцо прошел с опущенной головой. Все этапы его жизни, с детских лет до момента, когда, вглядываясь в свою противоположность, он пытался понять ее и подбирал подходящие слова. Но прежде следует признать: жизнь скитальца больше, чем любая другая, зависит от случая.

^{*} Там же.

^{**} Цит. по: Леви П. Человек ли это?

И тогда сложится картина: Лоренцо и Примо принадлежали к «двум разным кастам»¹⁵. Чудо, что они вообще встретились. В так называемой прошлой жизни эти двое представляли совершенно разные слои общества. Но в концлагере социальный статус являлся вопросом уже не престижа, а выживания — и они вновь оказались на разных ступенях лестницы, правда, поменявшись местами. Примо предстояло умереть, если перестать каждую секунду цепляться за жизнь. Лоренцо суждено было жить, если только не случится какой-нибудь беды.

Превосходство Лоренцо над Примом было очевидным. И буквально в пространстве — на строительных лесах у стены, и в лагерной иерархии. Такое положение сохранялось довольно долго — они давно находились неподалеку, но не замечали и даже не знали о существовании друг друга. Отношение Лоренцо к Приму было чем-то вроде возмездия за их прошлую жизнь — в другом, нормальном, предшествовавшем лагерю мире.

Все былые привилегии Примо в 1944 году обратились для него в пыль, вдруг заскрипевшую под ногами и на зубах. Там, на самой низкой ступени человеческого бытия, обеспеченный туринец и начинающий перспективный химик Примо Леви превратился в заключенного № 174 517 — одного из тысяч рабов.

Как и другие 11 600 невольников *I. G. Farben*¹⁶, Леви работал на строительстве химического завода Буна-Верке. Их заставляли вкалывать, пока их силы не иссякнут. Усилия Примо, как и всех других узников, были «абсолютно бессмысленны»^{*, 17} — люди умирали.

Примо, как и тысячи таких же, как он, непрерывно откапывал, закапывал, загружал, разгружал, сортировал, собирал.

* Цит. по: Леви П. Канувшие и спасенные.

Без остановки — под проливным дождем, в снегопад, когда ветер поднимал клубы пепла и когда землю согревали лучи солнца. Вены были готовы лопнуть от напряжения, и если кто-нибудь уже не мог двигаться, то капо или его помощник тут же бил доходягу дубинкой по голове. Чтобы лишний раз напомнить, кто здесь власть, чтобы выколотить всякую волю к сопротивлению и остатки того, что делало человека человеком.

В тот день Примо не попросил у Лоренцо помощи. Предположу, что летом 1944 года у него еще не было «четкого представления, как живут и какими возможностями обладают эти итальянцы»¹⁸. Большинство из них в другом, прошлом, мире частенько бедствовали, но всегда оставались на плаву. Здесь же он вместе с тысячами других мучеников неумолимо погружался на самое дно истории.

И все же нескольких простых, совсем простых слов оказалось достаточно, чтобы разрушить заклятие, разорвать путы зла¹⁹ или, как сказал мудрый Леви, «затупить оружие ночи»²⁰. Лоренцо отозвался не сразу, а после некоторого замешательства, но твердо и ясно.

«Разговаривая со мной, ты сильно рискуешь», — предупредил Примо.

«Мне все равно», — ответил Лоренцо²¹.

2

Он каменщик, простой рабочий. Он знает ремесло и умеет правильно выполнять разную кирпичную кладку. Но хороший исполнитель вовсе не обязан видеть картину целиком — такая способность необходима тому, кто командует. Хороший исполнитель должен хорошо делать свое дело. Оценить

результат он сможет, когда работа закончена. Именно так, по крайней мере, чаще всего и бывает.

Рискну предположить: Лоренцо был одним из немногих, кто в то время с самого начала имел общее видение ситуации. Однако найти этому подтверждение трудно — так же, как и того, кто действительно заранее все знал.

Лоренцо был немногословным человеком²². По свидетельству родственников, то ли с 1935-го, то ли с 1936 года он был вынужден постоянно уезжать на заработки²³, обычно во Францию. Лоренцо нелегально переходил границу на перевале Колледелле-Финестре — вместе с такими же бедняками с заскорузлыми ладонями и стертymi в долгих переходах ступнями.

Брат Джованни, старше всего на два года, с острым взглядом и пышной шевелюрой²⁴, часто составлял Лоренцо компанию. Братья вместе пробирались тайными тропами²⁵ — бывало, шагали целую неделю²⁶. Мне порой кажется, будто я вижу: Лоренцо и Джованни в горах, бок о бок с контрабандистами, перекидываются словечками на родном пьемонтском: *'ndôta*, *'mpresa*.

Они шагали размеренно, опустив голову, — старались экономить силы. Там, за нарисованной на карте линией, их ждала работа. На этих тропах можно было оказаться, только будучи контрабандистом или рабочим-нелегалом из приграничных районов, где грань между справедливым и несправедливым, законным и незаконным практически отсутствует²⁷. Навстречу, в обратном направлении, из Францию в Италию, тоже шли бедолаги разного возраста.

Все ступившие на эти тропы начинали говорить на едином языке изгоев, несших на себе проклятие этих гор. Они были готовы ради миски поленты с сыром горбатиться под палящим солнцем и проливным дождем, но, если выпадал случай, никогда не упускали возможности побездельничать.

Доподлинно известно, что Джованни — *бородач Джуанин*²⁸ — с августа 1931 года регулярно бывал во Франции²⁹ (где жил «дядя Жан»³⁰). Конечным пунктом был Лазурный Берег. Как вспоминал Леви³¹, там «всегда можно было найти работу». Иногда они шли в Тулон³² или в какой-нибудь близлежащий городок Юго-Западной Франции, но чаще всего — в Амбрён, небольшую коммуну примерно в 60 километрах от границы.

Когда начинался этап «Джиро д’Италия», проходящий через Колле-делла-Маддалена^{*}, контроль на границе ослабевал, и старики на такси отправлялись через перевал навестить своих. Если получалось, они еще и пропускали стаканчик другой. Об этом в январе 2020 года мне рассказал Беппе, племянник Лоренцо — сын его второго брата Микеле (младше на 8 лет)³³. Беппе объяснил, что каждое сообщество в их краях имело свой секретный язык: здесь никогда не общались между собой на итальянском, а исключительно на непонятном чужакам *magüt*³⁴.

Когда подходило время обеда, Лоренцо доставал выдавший виды алюминиевый котелок³⁵, два крутых яйца, флягу с красным вином, сухари. Он ел, согнувшись всем телом, крепким, но уже изрядно изношенным — как у пожилого. На тот момент Лоренцо было около 31–35 лет. Деревянная ложка казалась частью его руки, а сам он напоминал мощное крепжистое дерево.

Этот здоровяк с обветренным лицом родился в Бурге — старейшем квартале не только каменщиков, но еще и *рыбаков*³⁶. Пропитание и средства к существованию им давала

^{*} Колле-делла-Маддалена — высокогорный перевал на границе Италии и Франции, через который проходит трасса многодневной ежегодной велогонки «Джиро д’Италия» (одной из трех крупнейших, наряду с «Тур де Франс» и «Вуэльта»).

река Стуре, на берегах которой водились прожорливые и огромные, как кролики, комары.

Бурге был типичным старым итальянским кварталом, в котором столетиями ничего не меняется. Его легко представить, если изучить фотографии пьемонтских городков начала XX века³⁷ и слегка напрячь воображение. Двери не запираются³⁸; возле полуразрушенной кирпичной стены стоят изъеденные жучком стулья — на них можно посидеть в редкие выходные, укрывшись от холодного ветра или палящего солнца. Дни здесь начинались затемно. А заканчивались — для тех, кто успевал вернуться домой, — с заходом солнца.

Сегодня Бурге выглядит иначе, но на улочках со старинными названиями и новой нумерацией домов можно разглядеть следы минувшего. Надо только хорошенько присмотреться к стенам, которые, конечно, уже не раз перекрашены.

Лоренцо жил на улице Микелини, дом 4³⁹ и 6⁴⁰. Сейчас на этом месте дом номер 12⁴¹. Три комнаты на восьмерых: в одной — кладовка для тряпок и старого железа, во второй — мул и тележка. Это я узнал из книги Кэрл Энджер, биографа Леви. Четверть века назад она взяла интервью у троих родственников Лоренцо, среди которых оказался и его племянник Беппе⁴².

По ночам местные мужчины доставали угрей из заранее устроенных на Стуре плотин или ловили рыбу бреднями и донками. На рассвете женщины, не уставая благодарить Бога, загружали в тележки ночной улов и везли продавать его таким же, как сами, беднякам. Здесь жили по правилу: «Делай, что умеешь; торгуй тем, что добыл»⁴³.

Бургерцы старались не ссориться по пустякам, однако время от времени местные мужчины устраивали настоящие уличные бои — то ли чтобы острее почувствовать вкус жизни,

то ли чтобы на время забыть о ее тяготах. Старожилы и спустя девяносто лет с ностальгией вспоминали драки, в которых участвовали молодыми.

Все мужчины Бурге были либо рыбаками, либо жестянщиками, либо, как Лоренцо и Джованни, каменщиками⁴⁴. В Фоссано центральные улицы заасфальтировали лишь в 1936 году⁴⁵. Братья обычно возвращались домой уже в сумерках. Солнце на их улицу тогда не заглядывало даже днем — из-за ныне не существующей казармы Умберто I⁴⁶. По словам Беппе⁴⁷, встречные расступались перед Лоренцо и Джованни со словами: «А вот и наши богатыри, вот наши *Такка**»⁴⁸.

3

Лоренцо был вторым ребенком в семье. Его родители, Джузеппе Перроне и Джованна Таллоне, сочетались законным браком в 1901 году⁴⁹. Они зарабатывали на жизнь продажей металлолома и старого тряпья⁵⁰, хотя в официальных документах значились как «каменщик» и «разнорабочая»⁵¹.

Оба младших брата Лоренцо стали жестянщиками: и Микеле, будущий отец Беппе, и Секондо, который, несмотря на имя, был не вторым, а четвертым и последним сыном в семье. Еще у Лоренцо было две сестры — Джованна и Катерина⁵². Катерина так и не вышла замуж и осталась жить с Лоренцо и Джованни, *бородачом Джуанином*⁵³. В рыбацком

* Транслитерированное во избежание неверного произнесения итальянское слово Тасса («зарубка», т. е. «знак»). В данном контексте семейное прозвище можно было бы перевести и как «заноза», но далее автор пишет, что точное его происхождение неизвестно, поэтому оставляем его без перевода. *Прим. ред., пер.*

квартале Фоссано их всех звали *Такка* — возможно, из-за того, что они были склочниками и скандалистами.

Прозвища, называемые в тех краях *stranomi* — «страннóмы», — как и везде, отражают некие особенности, «странности» тех, к кому приклеиваются. Однако история их появления часто забывается, особенно если кличка возникла дома. Семейные предания обычно тщательно скрывают от посторонних, и детали со временем неизбежно стираются. Первым *Такка* был, скорее всего, Джузеппе⁵⁴, хотя, возможно, история прозвища началась еще раньше⁵⁵.

Все мужчины в семействе Перроне-*Такка*, в том числе и Микеле-жестянщик⁵⁶, *el tulè bel*-красавчик, скупались на слова. Братья пошли в отца, который, по словам Энджер, был «очень замкнутым и имел склонность к приступам черной меланхолии». Я видел его фотографию на надгробии: нахмуренные брови, неаккуратно подстриженные усы, холодные глаза — лицо, на котором трудно представить улыбку⁵⁷.

Джузеппе был «грубым, деспотичным, вспыльчивым, жестоким — особенно когда напивался»⁵⁸. Типичный *папаша-хозяин*⁵⁹. Увесистые оплеухи сопровождали все детство Лоренцо, Джованни и остальных сыновей. Братья получали их дома от отца, а позже, так сказать, в качестве компенсации, щедро раздавали на улице⁶⁰, возле «Пигера» — остерии «Пигриция».

Эта популярная у местных рыбаков и каменщиков забегаловка⁶¹ находилась в двух шагах от дома Лоренцо — на пересечении улиц Дон Боско и Гарибальди⁶². (Остерии давно нет⁶³.) Сегодня дом, в котором она располагалась, выглядит совсем по-другому: его покрасили в терракотовый цвет, а колонны, рядом с которыми когда-то сживал Лоренцо вместе с такими же суровыми и задиристыми земляками, обновили.

Новенькая, сверкающая медная табличка *Terziere del Borgo Vecchio — Via Del Borgo Vecchio* («Терциере дель Борго Веккио — канал Старого Борго») на стене обновленного дома выглядит как декоративный элемент на памятнике архитектуры с рекламной картинкой. Время иногда вопит во весь голос, а иногда старается обо всем молчать.

Семья Луизы Меллано, президента ANPI (Национальной ассоциации партизан Италии) и правнучки легендарного партизана Пьеро Коза⁶⁴, тогда жила как раз напротив «Пигера». Луиза рассказала, что ее прадедушка проводил за стаканом вина в этой остерии почти все свободное время — вместе с десятками местных рыбаков⁶⁵.

Нетрудно представить мужчин, которые целый день гнули спину ради возможности прийти сюда: перевести дух; съесть, наконец, тарелку или две горячей еды; напиться алкоголем печень; щедро сдобрить незатейливую трапезу богохульными стенаниями. Среди посетителей «Пигера» иногда попадались даже священнослужители⁶⁶.

Так и вижу крепко сбитые фигуры в традиционных теплых накидках, громко распевające хором нестареющую *I Mònarca* («Монарх»), популярную местную песню 1870 года: *Sòma busse 'n po' d barbera — “una cioca general”* — «Пошли сначала пропустим по стаканчику барберы⁶⁷, а потом как следует все вместе надеремся»⁶⁷. *Такка*, по обыкновению, и в остерии по-малкивали. Хотя, возможно, на них так действовало спиртное — я имею в виду Лоренцо и его брата Джованни.

⁶⁴ Пьеро Коза (1908–1996) — уроженец Фоссано; во время Второй мировой войны организовал в Пьемонте первую группу партизан-антифашистов. Командовал автономным формированием «Валле Песио» («Долина реки Песио»).

⁶⁷ Барбера — красное вино из одноименного сорта винограда; производится в Пьемонте.

Эти двое, вероятно, основательно закладывали за воротник еще совсем детьми⁶⁸, хотя уже в те времена подобное поведение считалось вне закона⁶⁹. Братья были достойными сыновьями своего отца, а их подлинным родителем оказалась нужда. Она была столь же хорошо знакома им с детства, как и изменения цвета вина, по которому они определяли время года.

4

Лоренцо зарабатывал любыми доступными способами. Мысль о деньгах никогда или почти никогда его не покидала. Он продавал и покупал все, что можно было продать и купить: цену называл шепотом, а сделку завершал крепким рукопожатием — согласно существовавшему в то время правилу. Его точно описал один из персонажей книги Нүто Ревелли «Мир побежденных» (*Il mondo dei vinti*)⁷⁰: *Se truciavu la man, 'l cuntrat era fat* — «Руку пожал — что договор подписал».

Еще в детстве и Лоренцо, и его брат *бородач Джуанин* пошли по стопам отца и начали с *feramiù* — стали старьевщиками. Они отрывали чугунные основания от водосточных желобов, а затем, высунувшись из окна первого этажа своего дома, пытались втюхать добычу всякому проходящему⁷¹.

Детство Лоренцо было похоже на ранние годы Бартоломео Ванцетти⁷², анархиста, казненного в США в 1927 году. Он родился и вырос в 10 километрах от Фоссано дюжиной лет

⁶⁸ Бенвенуто (Нүто) Ревелли (1919–2004) — итальянский эссеист, друг П. Леви.

⁷² «Дело Сакко и Ванцетти — резонансное дело американских рабочих-анархистов итальянского происхождения Б. Ванцетти и Н. Сакко, закончившееся в 1927 г. их казнью.

раньше. В 15 лет написал: «Вечером после восемнадцати часов работы... мои ноги так горят, что, кажется, их прижигают углями»⁷². Как и Бартоломео, Лоренцо трудился «в поте лица с юных лет»⁷³. А еще ему приходилось проявлять изобретательность. Естественно, нельзя исключать, что фантазия иногда могла и перейти грань.

Лоренцо родился «Пероне» (с одной буквой «р»). Это произошло на улице Оспицио, дом 28, в воскресенье, 11 сентября 1904 года, в 11 часов утра, когда у всех уже начинает сохнуть под ложечкой. Возможно, еще и поэтому чувство голода заставляло его всегда продвигаться вперед.

Новость о появлении на свет Лоренцо имела значение разве что в свете публикуемой местной прессой статистики: в Фоссано на той неделе родились пять девочек и восемь мальчиков, одним из которых и был наш Лоренцо⁷⁴. В муниципалитете отцом новорожденного Джузеппе указал себя: «27 лет, каменщик». А на следующий день в качестве свидетеля привел своего брата Лоренцо: «23 года, разнорабочий». И оба подписались: «Перроне» — с двумя «р»⁷⁵.

Скорее всего, таково оказалось диалектное изменение фамилии «Перун», произнося которую, полуграмотные или вообще неграмотные пьемонтцы удваивали букву «р»⁷⁶. К примеру, у тети Примо Леви «подлинная» фамилия была «Прун»⁷⁷.

Впоследствии «наш» Лоренцо — тезка деда по материнской линии, дяди (по отцовской) и одновременно крестного отца⁷⁸ — повторил ошибку и поставил подпись «Перроне»⁷⁹. А может, это не было ошибкой? Лоренцо окончил всего три класса начальной школы — это удостоверяет трудовая книжка. В ней, кстати, фамилия написана как «Пероне»⁸⁰.

Лоренцо крестили, но, по словам Леви⁸¹, он не знал Евангелия, не был религиозен и едва умел писать. Зато много ходил, а работать начал в 10-летнем возрасте (то есть в 1914 году,

когда разразилась Первая мировая война). Это подтвердили и родственники Лоренцо, когда их опрашивали сотрудники Яд Вашем⁸².

Я понятия не имею, каким он был в детстве. Младший сын в семье — Секондо — говорил Иану Томсону, биографу Леви, что Лоренцо был «пессимистом с рождения»⁸³. Однако нельзя исключать, что отпечаток на воспоминания наложили последующие события.

Одним из последних рассказал о Лоренцо бывший приходский священник из Фоссано дон Карло Лента. Это было интервью Томсону в 1993 году. Лоренцо «без пальто и с посиневшим от холода лицом»⁸⁴ пытался продать всякий хлам, разложив его прямо на снегу. Мы знаем, что он так и не научился забывать⁸⁵, но нам неизвестно, когда он затаил в себе злость и обиду.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

